

Оглавление

Часть первая. КУПАВНА

Почему они не зажигают камин?	7
Pozog, pes!	14
Где я мог ошибиться?	18
Суместно обместях	25
Открывающий звёзды	31
Злые мальчики	36
Конец света	44
Гора печали	49
Гегельянец в «Тайване»	54
Слово аспирантки	59
Разбор полета	64
Ночной концерт	72
Памяти «Памяти»	80
Горячо — холодно	85
Комитет молодежных организаций	90
Пепито ест огурцы	95
Одиннадцать одиннадцать	99
Неразумные	105

Алеша хороший	111
Язык и мова	115
Твербул	119
Каммингс-аут	124
Голова Гоголя	130
Кальвария	136
Дедушка Туполев	141
Мы все шалили	147
Любовник неба	153
Сплав	160
Живая вода	165
За волшебным колобком	171
Первый Неруда	176
Съест КПСС	181
Мы победили, брат!	189
Звездочка	196
Бен Гурнов	201
Арбитраж	206
Родство — опасное соседство	214
Мертвые и живые	224
Свидетельство о рождении	228
Надпись на чужом языке	232
Крутится-вертится	237
Первоцветы	242
Туве Янссон	247
Чем сердце успокоится?	251
Худой перевод	255
Три сестры	260
Криминальная хроника	264
Чего же ты хочешь?	269

Часть вторая. СУДЕТСКИЙ СУДЬЯ

Римское право	277
Ностальгия	285
Кто полагается на Бога	291
Вес Бхутто	295
Вражда племен	300
Мертвая линия	304
История зла	307
Ойоха	312
День студента	317
Есин	322
Горе немцев	326
Из Паустовского	331
Они не сделают вам ничего плохого	335
P.C. and non-P.C.	340
Накануне	345
Человек человеку	349
Maikäfer, flieg!	355
Идиотская болезнь	359
Чешские войны	364
Приложение к фотоальбому	369
Писатель при университете	373
Злые чехи	378
Попугай на Оке	383
Расписание поездов	388
Что вы на меня так смотрите?	393
Проблемы мира и социализм	398
Особое мнение	402
Ян Гус и его призраки	406

Fin de siècle	411
Бездомовцы	418
Даждь дождь	424
Ректор	429
Голос родины	433
Ничего нам от вас не надо	437
Железный Бородин	441
Судетский эндшпиль	446
Транзитная зона	451
Славянская филология	459
В логове змиевом	463
Я ведь тоже бежал	468
Это за Крым?	471
Я не хотел бы оказаться его врагом	476
Один и одна	481
Только русского надо менять	488
alyona alyona	492
Любимая игра Аллы Пугачевой	499
Persona non grata	504
Капитан Павлик	509
El primer milagro	513
Матч-реванш	519
Спецоперация	523
Всё по чину	528
Прокурорское поле	533

Часть первая
КУПАВНА

Почему они не зажигают камин?

Половина пятого пополудни. Или без двадцати пяти. Вряд ли больше. Телефон мой разрядился, но я с детства чувствую время, словно бежит в груди по кругу секундная стрелка. То ускоряется, то замедляется, иногда щекотно, а иногда так больно, что хочется ее остановить. Я смотрю на человека в белой жилетке на искусственном меху напротив меня и пытаюсь понять, где мог видеть его раньше. У него невыразительное, под стать худощавой фигуре тонкое лицо, небольшой гладкий лоб, острый нос, блеклые голубые глаза, жесткие усики над вздернутой губой, редкие русые волосы, бороды нет. Не хочет отращивать или не растет? Он похож на преподавателя без степени, на старшего редактора или экономиста, но только не на священника. Однако зовут его отец Иржи, и он православный поп. Страна католическая, а он православный. Не с рождения, просто перешел несколько лет назад в нашу веру и принял сан, или как это правильно у попов называется. Вообще-то он должен прозываться в таком случае Георгий, но все обращаются к нему отец Иржи. Русского языка не знает. Речь понимает, а говорить не может. Учил когда-то в школе, потом позабыл или делает вид, что позабыл. Здесь многие забыли русский. И русских не любят. Про попа, правда, не знаю,

кого он любит, а кого нет. Знаю только, что рядом с его домом есть церковь очень странной формы. Она сделана наполовину из стекла и похожа на пирамиду или, точнее, на чум, я видел такие месяц тому назад на Ямале. Только на верхушке у этого чума крест. Когда идет дождь, вода стекает по толстым прозрачным стенам. Внутри всё, как и положено в церкви: алтарь, иконостас, подсвечники, — но ощущение такое, будто ты не в храме, а в аквариуме. Или, наоборот, вдруг кажется, что там, за этими толстыми стенами, наступил всемирный потоп и стеклянная пирамидка что-то вроде ковчега спасения или подводного жилища, как в «Маракотовой бездне» у Конан Дойла, — мы в детстве смотрели с Петькой такой диафильм. Еще я знаю, что деньги на храм дал богатый человек, не захотевший себя называть. Это странно, ведь, по моим представлениям, все нынешние жертвователи и благотворители только и ждут, чтобы их имя было начертано золотом на самом видном месте. А этот таится. Не иначе бандит какой, по которому тюрьма плачет.

Рядом с храмом колокольня, но колокола на ней нет. Впечатление такое, что колокольню построили раньше и предназначалась она для других целей.

А дом у священника самый обыкновенный, добротный, только изрядно обветшавший. В таких домах веками жили немцы, покуда их отсюда не выселили. Мне этих немцев жаль. По идее, я не должен испытывать к ним сочувствия, тем более что это из-за них случился Мюнхенский сговор, про который в последнее время стали много писать, но я им сочувствую. Представляю, как они боялись окончания войны, как покидали целыми семьями свои усадьбы, церкви, оставляли погосты, а на их место привозили других людей.

Однако поп тут ни при чем. Он поселился в деревне не так давно, а до этого усадьба много лет пустовала.

Ее прежний хозяин был судьей. Когда в сорок пятом его пришли выселять, он поднялся на чердак и повесился, а потом стал являться каждому, кто пытался в этом доме жить. Но попа, судя по всему, забоялся. Или же поп не боится ничего.

Я узнал обо всем этом от древнего грека, с которым познакомился в местном трактире «У зеленой жабы», когда искал работу.

— Какую угодно. Мыть посуду, колоть дрова, таскать воду, убираться.

Барную стойку окружали смешные стулья: на спинке каждого было вырезано чье-то лицо, — старые балки были покрашены бычьей кровью, а на стенах висели чучела, шкуры и головы убитых зверей.

— Денег мне не надо. За крышу над головой и еду.

— Без позволения на побыт не можно, — не согласился Одиссей.

Это я и так знал, но что поделать, если меня обманули и не выполнили того, что обещали.

— Я экстраординарный профессор в университете Палацкого в Оломоуце, — сказал я неубедительно, но с достоинством. — Приехал читать лекции по истории постсоветского постмодернизма. У меня есть приглашение, диплом Московского университета и два рекомендательных письма.

Я произносил эти важные слова, понимая, что человек, который согласен возить грязь в «Зеленой жабе», вряд ли может быть экстраординарным профессором, да и вид у меня далеко не академический.

— Это никому не интересно, — грек даже не поглядел на мои бумаги. — А поп, если захочет, поможет.

Зачем он станет мне помогать, если никакого отношения к церкви я не имею?

— То не есть важно, — возразил Улисс, наливая пиво кому-то, чье широкое одутловатое лицо с богатыми

усами напоминало деревянную рожицу на спинке стула. — В этой стране никто отношения к церкви не имеет. Чехи — самая безрелигиозная нация в Европе, — добавил он со значительностью, и я не понял, чего больше прозвучало в его голосе — гордости или сожаления.

Интересно, откуда посреди сухопутной Чехии взялся грек и сам он кто: православный, католик, атеист, агностик? Но спрашивать об этом точно не принято, и мне ничего другого не оставалось, как пойти к священнику. Полиция меня уже ищет. Хозяйка словацкой гостиницы видела мой паспорт и наверняка обо мне сообщила. Я не беженец, я — беглец с просроченной визой, но ни тех, ни других здесь не жалуют. В лучшем случае меня оштрафуют, в худшем — и это более вероятно — депортируют в страну, из которой я сюда прибыл и где живет моя вечная возлюбленная, но моя любовь к ней безответна, гибельна и безрассудна. Вот почему я сижу в доме, где нельзя говорить о веревке, смотрю на подозрительного попа, на его постную физиономию и размышляю: стукнет он на меня сразу же или позднее.

Но пока что хозяин, видимо убедившись, что я не собираюсь никуда уходить, предлагает не то пообедать, не то поужинать. Это очень кстати. Не помню, когда я последний раз нормально ел. Или он хочет меня отравить? Что-то я сделался мнителен в последнее время. И все же отравить — это чересчур. Проще выставить за дверь. Однако поп снисходит, смиряется, трапезничает вместе со мной и только что не оmyвает моих ног — видимо, его милосердие состоит в том, чтобы выгнать странника, предварительно его накормив. Правда, одна заминка все же случается. Я уже было набрасываюсь на еду, как вдруг он встает, поворачивается к иконе

и принимается читать молитву. Я к такому не привык, мне еще более неловко, но откладываю ложку, тоже встаю и неумело повторяю за ним движение правой рукой от лба к животу и дальше к плечам, хотя это полная глупость. Особенно если учесть, что я не крещен.

Еду нам приносит попадья. Очень миловидная, ухоженная женщина, намного моложе мужа. Похоже, столичная штучка, которую запихнули в силезскую глухомань на границе с Польшей. На лице у нее страдальческое выражение. К ней-то судья точно является и стоит за спиной всякий раз, когда она моет старинную посуду и ставит ее в дубовый буфет XVI века.

Скорее всего, это из-за жены Иржи сделался православным. Почувствовал, наверное, какой-то зов, призвание стать священником, но у католиков не получилось бы с семьей жить. А без семьи тоскливо, если ты не монах. Или всякие непотребства начинаются. В этом смысле я папистов совсем не понимаю, хотя сам живу один десять лет и когда был последний раз с женщиной, не вспомню. Но что за мысли, однако, лезут в голову? Не по чину и неблагодарно. А матушка тем временем подносит новые блюда, и я ощущаю себя кем-то вроде автомобиля, который заправляют дорогим бензином, перед тем как он снова рванет в дорогу. Только вот дороги впереди нет и колеса проколоты... Красивая попадья взирает на меня безо всякого энтузиазма, и сумрачный взгляд ее темных, глубоких глаз понятен без слов: ешь скорее и убирайся, тут тебе не ресторация и не пансион. Но на улице в этот час так погано, а в комнате уютно и на столе все такое вкусное, домашнее... Не хватает лишь рюмочки, а еще лучше — запотевшего графинчика. Но я стесняюсь попросить отца Иржи, а сам он не догадывается. Мне бы действительно поскорее встать, сказать ему спасибо и уйти, пока он не по-

просил меня рассказать о себе, а я же не буду знать, что можно говорить, а чего нет. Да и зачем я стану втравливать в свои мутные обстоятельства неизвестного человека?

— Может быть, хотите пива, вина?

Он спрашивает это по-чешски, но я его понимаю. Этот вопрос я понял бы, кажется, и по-китайски.

— Вина.

— Какого?

— Красного.

— Франковка Модра вас устроит? Это хорошее, словацкое, — добавляет поп извиняющимся тоном.

— Давайте словацкое, — хотя от этого слова у меня неприятно схватывает в животе.

Уже почти семь. Без десяти или без двенадцати. Мне бы продержаться еще минут сорок пять. Пересаживаюсь в большое кресло возле камина, пью кислое — а каким еще оно тут может быть? — вино, глаза у меня слипаются, за окном смеркается, и слышно, как воет ветер, холодный, северный. Он гонит с далекого моря тяжелую, сырую тучу, которая приносит затяжной дождь, а я не знаю, с чего начать, и не понимаю, то ли в самом деле я рассказываю попу свой грустный травелог, то ли все это мне снится. Бутылка кончается быстро, поп открывает следующую, но сам не пьет, а за окном уже совсем темно, в окна хлещет дождь, переходящий сначала в мокрый снег, потом в мелкий лед, и я представляю огромный скандинавский циклон, который пересек Балтику и накрыл половину Европы, и благодарю за него Небеса. Полиция застряла в горах, во всем доме неожиданно выключается свет, матушка роняет непонятное мне слово «крконош» и обреченно приносит высокие белые свечи. На меня она больше не смотрит, а мне становится так хорошо, как не было

Почему они не зажигают камин?

давно. «Скоро начнется кино, и они меня не выгонят, — думаю я с благодарностью. — Если бы хотели выгнать, сделали бы это раньше. После восьми уже не выгонят, не посмеют. После восьми нельзя никого по закону выгонять. Как же здесь уютно! Если бы еще зажечь камин... Почему они не зажигают камин?»